

С. А. Баканов, А. А. Фокин

«А при коммунизме все будет...»: государственное планирование уровня жизни советского человека к 1980 г.

***Баканов Сергей
Алексеевич***
д-р ист. наук, доц.,
Челябинский
государственный
университет
(Челябинск, Россия)

***Фокин Александр
Александрович***
канд. ист. наук,
доц., Челябинский
государственный
университет;
Южно-Уральский
государственный
университет
(Челябинск, Россия)

Существующие в современной научной литературе представления о том, каким должен был быть уровень жизни советского человека при коммунизме, строительство материальных предпосылок которого предполагалось завершить к 1980 г., как правило, основываются на идеологических документах, таких как труды классиков марксизма-ленинизма, выступления партийных лидеров или программные документы КПСС¹. Однако при работе с этими источниками обычно возникает вопрос о степени аргументированности и обоснованности выдвигаемых в них положений, а также об их научной экспертизе. Долгое время исследователям были недоступны другие источники по данной теме, в которых бы раскрывалось мнение экспертов о достижимости или недостижимости тех или иных целевых показателей, озвученных с высокой партийной трибуны. Кроме того, оставалось неясным и то, какие именно государственные и научные инстанции участвовали в подготовке таких экспертных заключений и перспективных планов. Только рассекречивание большого массива документов по советской системе планирования 1950–1960-х гг. дало возможность пролить свет на эти вопросы.

Данные документы позволяют уточнить детали разработки планов в советскую эпоху и приблизиться к пони-

манию сути двух больших научных дискуссий: о характере хрущевских реформ и о советском варианте общества потребления. Отставка Н. С. Хрущева со всех постов в октябре 1964 г. задавала вектор оценки его деятельности в последующей историографии. Термин «волюнтаризм», который понимался как отказ от практики коллективного руководства и как продавливание непродуманных и неподготовленных единоличных решений, стал одним из символов хрущевских реформ. Так, У. Таубман в биографии Никиты Хрущева, описывая период 1956–1957 гг., делает акцент на том, что обещания первого секретаря, как правило, не выполнялись, и приводит цитаты из мемуаров его оппонентов, показывающие нереалистичность некоторых идей Хрущева². В частности, он опирается на отрывок из мемуаров Л. М. Кагановича: «Не одну неделю считал Госплан и в конце концов к заседанию Президиума ЦК представил свои расчеты и выводы о возможности догнать США по поголовью рогатого скота к 1970–1972 гг., т. е. на 10 с лишним лет позже названного Хрущевым срока. Заседание проходило бурно. Хрущев называл госплановцев консерваторами, сердился, грозно подымал свой маленький кулачок, но опровергнуть цифры Госплана не смог»³. Таким образом, подчеркивается, что в своих действиях Никита Сергеевич опирался прежде всего на собственные представления, а не на конкретные цифры, что и привело к провалу реформ рубежа 1950–1960-х гг. Схожую мысль высказывает Ю. В. Аксютин: «Многие другие начинания Хрущева по преодолению отставания сельского хозяйства также были обречены на неудачу, ибо действовал он преимущественно голыми призывами и административными методами»⁴. В логике процитированных выше авторов, «волюнтаризм» Хрущева в вопросах развития сельского хозяйства, в которых он считал себя специалистом, переносится и на планы коммунистического строительства, а это должно доказывать, что подобные планы были заранее обречены на провал.

Другая актуальная дискуссия, в контексте которой новые архивные материалы приобретают дополнительное значение, затрагивает вопрос о поисках после Сталина новых механизмов коммуникации между властью и населением и формировании в рамках этого поиска советского варианта общества потребления. Как отметил А. Берелович, в 1960-е гг. «советское общество полностью решает проблему физиологического выживания и превращается если не в общество потребления, то, во всяком случае, в такое общество, которое стремится потреблять»⁵. Г. М. Иванова приходит к выводу, что с 1950-х гг. в СССР возникает «социалистическое государство благосостояния» подобное западным моделям. «Социальная политика была одним из важнейших путей стабилизации общества и легитимации правящего режима. Начало советского государства благосостояния было положено в середине 1950-х гг. широкомасштабными пенсионными реформами и социальными программами в области повышения народного благосостояния»⁶. Отмечается, что советское руководство не имело научно обоснованной концепции развития страны. Разносторонний анализ советских потребительских практик можно найти в работах С. Рейда⁷, Н. Б. Лебиной⁸ и А. Ивановой⁹. В данном контексте важен вопрос о том, каким образом руководство страны представляло развитие уровня жизни и сферы потребления в среднесрочной перспективе.

Поводом для написания данной статьи стало наше знакомство с материалами архивного фонда Государственного научно-экономического совета (Госэкономсовет) Совета министров СССР, отложившимися в Российском государственном архиве экономики¹⁰. Данный орган был создан в феврале 1959 г. для решения задач долгосрочного, перспективного планирования развития производительных сил и выработки экономической стратегии страны. Конструирование новой институции в системе планирования оказалось вызвано тем, что в условиях развернутой с 1957 г. реформы управления промышленностью и начавшейся в 1959 г. семилетки Госплан СССР был перегружен текущей работой по оперативному управлению экономикой и испытывал некоторый дефицит кадров и идей. По оценкам В. Л. Некрасова, исследовавшего эту проблему, в течение 1959 г. Госэкономсовет еще оставался консультационным органом при Совете министров, но уже в начале 1960 г. он стал полноценным государственным ведомством со штатом более чем в тысячу сотрудников, координирующим работу союзных и союзно-республиканских министерств и ведомств по составлению перспективных планов¹¹. Руководителями этого ведомства были видные советские хозяйственники И. И. Кузьмин (1959–1960) и А. Ф. Засядько (1960–1962).

Одной из важнейших задач, возложенных Н. С. Хрущевым на новое учреждение, стала разработка «Генеральной перспективы развития народного хозяйства на период по 1980 г.», которая должна была содержать научно обоснованные долгосрочные ориентиры развития каждой отрасли народного хозяйства и каждой союзной республики. В подготовке этого титанического по объему труда, превосходившего как по охвату, так и по временным горизонтам все существовавшие до того в СССР проекты государственных планов, принимали участие десятки отраслевых научно-исследовательских и проектных институтов, включая целые региональные отделения Академии наук СССР. К сожалению, данный проект до настоящего времени был обойден вниманием как отечественной, так и зарубежной историографии. Весь массив материалов, относящихся к «Генеральной перспективе», превышает 480 единиц хранения в фонде Госэкономсовета в Российском государственном архиве экономики, и эти материалы еще ждут своего исследователя.

Основные работы по составлению «Генеральной перспективы» проводились в течение 1960 г., и, несмотря на то что данный проект так и не был официально утвержден, индикативные показатели развития страны, заложенные в нем, по сути, оставались единственными детально проработанными и научно обоснованными, а потому, за отсутствием каких-либо альтернативных оценок, именно они и использовались при разработке новой программы коммунистической партии. Группа специалистов под руководством секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева, трудившаяся в санатории ЦК «Сосны» над созданием Третьей Программы КПСС, при составлении экономической части данного документа опиралась на данные планирования, которые предоставлял в ее распоряжение председатель Госэкономсовета А. Ф. Засядько. Об этом свидетельствует в своих воспоминаниях Ф. М. Бурлацкий: «Самые большие споры вызвало предложение включить в Программу цифровые материалы об эконо-

мическом развитии страны и ходе экономического соревнования на мировой арене. С этим предложением приехал на одно из заседаний председатель Государственного научно-экономического совета Совмина СССР А. Засядько. Доклад, который он сделал в рамках рабочей группы, показался всем участникам легкомысленным и ненаучным. Выкладки о темпах развития советской экономики и экономики США фактически были взяты с потолка — они выражали желаемое, а не действительное»¹².

Как пишет в биографии Н. С. Хрущева его сын, еще в июле 1959 г. Президиум ЦК принял решение о том, что все практические подсчеты, необходимые для составления новой программы партии (в частности, сколько, чего, когда и где произведут советская промышленность и сельское хозяйство), должны представить Госплан и Госэкономкомиссия¹³. Однако здесь автор явно путает институции, так как последняя к тому моменту уже была распущена и ее место в системе планирования как раз и занял Госэкономсовет. Из этого можно сделать вывод, что проект «Генеральной перспективы» и стал научным обоснованием, сделанным профильными ведомствами для утверждения важнейших экономических положений, содержащихся в Третьей Программе КПСС. Учитывая тот факт, что реализация программы планировалась до 1980 г., к которому в стране должны были быть построены материальные предпосылки коммунистического общества, можно считать содержащиеся в «Генеральной перспективе» индикаторы благосостояния населения к 1980 г. не только генетическим прогнозом, сделанным на основе оценки развития всех отраслей хозяйства республики, но и определенным телеологическим видением уровня жизни советского человека при коммунизме, выраженным в конкретных цифрах.

Проблема производства и потребления в рамках коммунистической идеологии была своеобразным философским камнем. Знаменитая формула говорила, что при коммунизме «от каждого — по его способностям, каждому — по его потребностям», т. е. необходимо удовлетворять потребности человека независимо от его вклада в общее благо. Важность решения данного вопроса подчеркивал и Никита Хрущев: «Сфера, где создаются ценности для удовлетворения человеческих потребностей, — это главная сфера и от нее зависит успешное продвижение и создание условий к коммунизму, к коммунистическому распределению благ»¹⁴. В формуле коммунизма присутствовали две переменные: потребление и производство. Следовательно, предполагалось, что темпы роста производства должны существенно превосходить темпы роста потребления. В 1959 г., на XXI съезде КПСС, Никита Хрущев говорил: «Было бы неправильно представлять дело так, что если ты сегодня, получая за свою работу, к примеру, 30 рублей в день, находишься в условиях социализма: а если завтра будешь получать в пять раз больше, то уже перешел в коммунизм»¹⁵. Оговаривалось, что человек «коммунистического завтра» будет иметь реальные запросы и потребности. Строительство коммунизма должно было сопровождаться ростом коллективизма и преодолением индивидуализма и эгоизма. Научный коммунизм был враждебен расточительной роскоши и прихотям эксплуататорских классов¹⁶. В вопросе формирования нового типа потребления апеллировали к Владимиру Ленину, который считал: «[Коммунизм] предполагает

и не теперешнюю производительность труда и не теперешнего обывателя, способного “зря” — вроде как бурсаки у Помяловского — портить склады общественного богатства и требовать невозможного»¹⁷. Необходимо было не только нарастить выпуск различной продукции, но и по-новому подходить к распределению и потреблению. На первый план должны выйти рациональные и научные данные. Иными словами, не сам человек определял свои потребности, за него это должны были сделать специалисты, подсчитав, сколько ему нужно мяса, молока, хлеба, носков, холодильников и телевизоров.

«Генеральная перспектива» охватывала все отрасли народного хозяйства страны. Каждый том ее материалов содержал проект развития конкретной отрасли в отдельной союзной республике или же включал сводные данные по всему хозяйству республики. Уровень детализации в этих документах был очень высоким. В ряде случаев к материалам прилагались методики подсчета тех или иных показателей с их обоснованием. Тем более примечательным выглядит тот факт, что по такой актуальной проблеме, как уровень благосостояния населения СССР, в проекте «Генеральной перспективы» методик подсчета не имелось, да и сами оценки предполагаемого благосостояния граждан к 1980 г. были сделаны только по двум союзным республикам — РСФСР и УССР. Здесь можно сделать одно из двух возможных предположений: либо по остальным республикам в их плановых органах для решения данной проблемы элементарно не хватало подготовленных кадров, либо перед ними и не ставилась подобная задача, а дошедшие до нас материалы по РСФСР и УССР были лишь экспериментами, не получившими продолжения в других республиках.

Тем не менее отдел перспективных планов и общеэкономических проблем Госплана РСФСР совместно с Госэкономсоветом СССР в 1959 г. начал подготовку «Предложений о перспективах развития народного хозяйства и культуры РСФСР на период по 1980 г.», которые включали раздел «Рост благосостояния населения», опубликованный в 1960 г. для служебного пользования отдельной брошюрой в 16 страниц¹⁸. Этот документ представлял собой таблицу, систематизированную в строках по группам показателей (бытовое обслуживание, уровень потребления товаров на душу населения, обеспеченность жильем, доходы трудящихся и т. д.), а в столбцах — по годам: 1958 г. (факт) и далее с 1960 г. (план) с пятилетним шагом вплоть до 1980 г. Всего таблица содержит данные более чем по 90 показателям, причем в большинстве случаев с указанием фактически достигнутого уровня к 1958 г., что позволяет оценить перспективы роста каждого из показателей за каждую следующую пятилетку. Заложенные в план уровни потребления отдельных товаров и услуг, очевидно, отталкивались от неких норм рационального потребления, о которых позволяет судить другой обнаруженный нами документ — «Рациональный бюджет семьи (в показателях на душу населения)», разработанный Госпланом Украинской ССР в 1960 г. и вошедший отдельным томом в структуру «Генеральной перспективы развития народного хозяйства Украинской ССР на период по 1980 г.»¹⁹. Здесь, помимо табличной части, присутствовала и пояснительная записка, раскрывавшая некоторые принципы конструирования рационального бюджета советской семьи на 1980 г., а также те нормы потребления, на которых этот бюджет строился.

На наш взгляд, в совокупности с Третьей Программой КПСС два рассматриваемых в настоящей статье документа позволяют реконструировать точку зрения экономических экспертов на проблему достижимого при коммунизме уровня жизни советского человека.

В Третьей Программе КПСС в главе о задачах партии в области повышения благосостояния населения была сформулирована сверхзадача: «Обеспечить в Советском Союзе самый высокий жизненный уровень по сравнению с любой страной капитализма», которая уточнялась и конкретизировалась в следующих пунктах: а) обеспечение высокого уровня доходов и потребления для всего населения, развитие торговли; б) разрешение жилищной проблемы и благоустройство быта; в) сокращение рабочего времени и дальнейшее улучшение условий труда; г) забота о здоровье и увеличении продолжительности жизни; д) улучшение бытовых условий семьи и положения женщины, содержание детей и нетрудоспособных за счет общества²⁰.

Следует уточнить, что вкладывалось в понятие коммунизма на рубеже 1950–1960-х гг. Никита Хрущев, размышляя о движении к «светлому будущему», высказывал такую мысль: «80-е годы, это все-таки 20 лет, и поэтому нельзя сказать, что так же будет и через 40 лет... А через 40 лет что будет? То же, что через 20 лет? Неправильно это. Поэтому степень развития науки, техники, внедрения автоматизации будет все возрастать, а физических и умственных усилий потребуются затрачивать меньше... Поэтому возрастут и потребности каждого человека. Видимо, раздел о материально-техническом обеспечении должен быть разбит на периоды или фазы коммунизма»²¹. В рамках обсуждения высказывалась и такая мысль: «Следовало бы всюду во Второй части [Третьей Программы КПСС] возможно точнее разграничивать ближайшие задачи, реально рассчитанные на выполнение в течение предстоящего двадцатилетнего периода и более далекие перспективы. В проекте это не делается последовательно»²². В самом тексте Третьей Программы КПСС отмечалось, что к 1980 г. планируется построить коммунизм «в основном», что означало достижение определенных показателей, после которых коммунизм будет развиваться дальше. Коммунизм 1980 г. виделся руководству страны не как фантастические картины из романов Ефремова и Стругацких, а как определенные элементы социально-экономического устройства: «Коммунизм — это вполне реальные и конкретные условия жизни народа: это короткий рабочий день, хорошее жилье, самая низкая в мире квартирная плата, хорошая одежда, накормленные и напоенные дети, бесплатное обучение для них, государственные стипендии для студентов, бесплатная медицинская помощь, пенсионное обеспечение, отмена налогов с населения, которых у нас через пять лет не будет совсем, — вот что такое элементы коммунизма на деле, в жизни»²³. Таким образом, в документах должны были отражаться показатели коммунизма «в основном», и в первую очередь направленные на удовлетворение базовых потребностей населения. При этом достижение коммунизма «в основном» не означало перехода количества в качество. Исходя из имеющихся данных, можно сделать предположение, что планируемый коммунизм «в основном» существенно отличался от концепции коммунизма в работах классиков марксизма-ленинизма.

Например, планировалось, что в 1980 г. не изменится такой показатель, как продолжительность рабочей недели и отпуска, что означало сохранение контроля над трудовым поведением человека. Сохранялись в 1980 г. и заработная плата, и розничная торговля, притом что один из базовых принципов коммунистического общества предполагал отказ от товарно-денежных отношений.

В «Предложениях о перспективах развития народного хозяйства и культуры РСФСР» структура разделов несколько отличалась от Программы, но тем не менее включала в себя индикативные показатели по каждой из будущих задач. Так, в рамках решения первой задачи объем работ по бытовому обслуживанию населения, на 1958 г. оцениваемый в 7,5 млрд руб., к 1980 г. должен был вырасти более чем на 1000 % и достигнуть 81 млрд руб. Причем уже по итогам 1960 г., к которому относится данный расчет, ожидалось его увеличение на 129 % по отношению к 1958 г., и каждая следующая пятилетка давала прирост этого показателя от 155 до 193 %. Розничный товароборот в торговле и общественном питании должен был подняться с 416 млрд руб. в 1958 г. до 1650 млрд руб. в 1980 г., для чего подразумевалось развитие розничной торговой сети магазинов с 217 тыс. шт. до 425 тыс. шт., т. е. почти в два раза, а сети общепита — с 79 тыс. предприятий до 270 тыс., т. е. почти в 3,5 раза. Сети киноустановок, театров, клубов и дворцов культуры должны были вырасти в среднем на 300 %. В 5–8 раз должны были вырасти объемы индивидуального пошива и ремонта одежды и обуви. В 8 раз увеличивались объемы работ парикмахерских, фотоателье и прочих услуг. Но самый феноменальный прирост должны были продемонстрировать объемы услуг в сетях общественных химчисток (с 81 млн руб. до 5 млрд руб., т. е. в 60 раз), прачечных (с 92 млн руб. до 21,5 млрд руб., т. е. в 230 раз) и пунктов проката (с 5 млн руб. до 1,5 млрд руб., т. е. в 267 раз)²⁴. Рост этих показателей в несколько десятков и даже сотен раз связан с тем, что предполагалось изменение быта людей. Планировалось, что домашний труд советских граждан, прежде всего женщин, будет существенно облегчен или обобществлен за счет развития сети специализированных заведений.

По второй задаче — обеспечению населения благоустроенным жильем — расчеты Госэкономсовета давали следующие цифры: если в 1958 г. в РСФСР на одного жителя приходилось 5,86 м² жилья, то к 1980 г. должно было быть уже 15 м². Для достижения этого уровня считалось необходимым, чтобы каждую пятилетку данный показатель увеличивался на 22–26 %, т. е. около 5 % ежегодно. Обеспечение подобного роста требовало развертывания масштабного строительства многоквартирных домов как в городах, так и в сельской местности. Если в 1958 г. в республике на одну квартиру приходилось в среднем 2,1 семьи, или 7,1 жильцов, а на одну комнату — 2,5 чел., то к 1980 г. эти цифры по плану приближались к формуле: одна квартира — одна семья (3,2 чел.) и одна комната — один человек²⁵. Получается, что к 1980 г. средней советской семье полагалась трехкомнатная квартира. Для сравнения можно напомнить, что через 26 лет М. С. Горбачев поставит цель для партии: к 2000 г. обеспечить каждую советскую семью отдельной квартирой или домом. При этом речь шла просто об отдельном жилье, а не об отдельной комнате для каждого члена семьи. Хотя

в 1960 г. не отмечалось, какой площади должна быть комната и квартира, это означало необходимость сверхмасштабного жилищного строительства, поскольку предполагалось, что новое жилье должно прийти на смену не только баракам и коммуналкам, но и первым хрущевкам.

Планы жилищных норм соотносились со стандартной для европейского общества моногамной нуклеарной семьей (два родителя и один-два ребенка). Такое планирование демонстрирует, что у разработчиков не было идеи о том, что при приближении к коммунизму будет происходить какая-нибудь трансформация семейной модели. Характерные для 1920-х гг. проекты создания больших коллективов для совместной жизни или отказа от семейного воспитания детей в пользу обобществленного в 1950–1960-е гг. уже не находили поддержки.

Значительные успехи ожидались и в развитии коммунальных услуг. Так, потребление воды на одного жителя в городах должно было возрасти с 96–110 л в сутки в 1958–1960 гг. до 316 л к 1980 г., полезный отпуск газа, соответственно, с 42 до 210 м³. Весьма любопытными представляются цифры обеспеченности жилого фонда отдельными видами «удобств». Например, к 1980 г. в городах водоснабжением и канализацией должно было быть охвачено 100 % жилья (в 1958 г. по факту охватывались лишь 31 и 27 % соответственно), центральным отоплением — только 90 % (в 1958 г. — 23,9 %), а вот газом — лишь 50 % (в 1958 г. — 16,3 %)²⁶. Таким образом, окончательное решение проблемы благоустройства городов переносилось за горизонт 1980 г.

Третья задача из Программы КПСС предполагала сокращение рабочего времени. Госэкономсовет давал по этому поводу следующие оценки: среднее число часов работы в неделю подлежало сокращению с 45–46 ч до 29–30 ч, а на подземных работах даже до 25 ч. В то время как продолжительность отпусков вырастала с 14–19 дней (в зависимости от отрасли) до 22 дней для всех.

В деле заботы о здоровье и содержании детей за счет общества Госэкономсовет планировал увеличение обеспечения населения больничными койками с 75 (на 10 тыс. чел.) в 1958 г. до 130 в 1980 г., врачами — с 17,9 (на 10 тыс. чел.) до 29,9, местами в санаториях — с 12,7 до 30, в домах отдыха — с 7,7 до 50. В абсолютных величинах число больничных коек увеличивалось с 843 тыс. до 1938 тыс., т. е. более чем в два раза. Количество мест в детских дошкольных учреждениях на 1 тыс. детей до 7 лет должно было вырасти со 134 до 915. Еще раз обращаем внимание читателя на то, что первая цифра является фактическим уровнем, достигнутым к 1958 г., т. е. по данным Госэкономсовета в 1958 г. в РСФСР менее 15 % дошкольников были обеспечены местами в детских садах, и даже к 1980 г. их доля не достигала 100 %. Количество учащихся в общеобразовательных школах выросло за 22 года с 15,4 млн чел. до 22,4 млн чел., однако соотношение долей учащихся в восьмилетках и старших классах средней школы от пятилетки к пятилетке оставались неизменными — приблизительно 85–86 % на 14–15 %²⁷. Таким образом, качественного роста образовательного уровня населения РСФСР к 1980 г. не предполагалось.

Планируемые показатели школьного образования помогают составить представление и о демографической ситуации. Так, и в 1965 г., и в 1980 г. количество школьников планировалось примерно на одинаковом уровне

в 22,7 и 22,4 млн чел. соответственно. Получается, что за 15 лет численность детей школьного возраста даже несколько сокращалась. Следовательно, в планы сознательно закладывалось некоторое уменьшение числа детей, приходящихся на одну семью, что при росте ожидаемой продолжительности жизни в стране должно было стабилизировать общую численность населения.

Решение главной задачи — обеспечение самого высокого уровня жизни — в «Предложениях о перспективах развития народного хозяйства» напрямую связывалось с ростом потребления на душу населения отдельных товаров массового спроса и достижением в области потребления этих товаров уровней научно обоснованных норм. Так, потребление мяса должно было совершить скачок с 32 кг (38 % нормы) в 1958 г. до 85 кг (100 % нормы) уже к 1975 г., т. е. не за четыре, а за три пятилетки. Причем наибольшие приросты (165 % к предшествующему уровню) не откладывались «на потом», но ожидалось уже между 1960 и 1965 гг., т. е. еще в годы текущей семилетки. По потреблению рыбы рост был куда менее впечатляющим: с 11,5 кг (61 % нормы) до 18,6 кг (100 % нормы). По потреблению масла и жиров 4,8 кг в 1958 г. давали только 46 % нормы, а должны были подняться до 100 %, т. е. до 10,4 к 1980 г. По яйцам — 113 шт. в 1958 г. составляли 28 %, при норме в 394 шт. к 1975 г., по сахару — 25,4 кг давали 59 % нормы и достигали нормы в 43 кг к 1980 г., по овощам и бахчевым рост должен был быть двукратным с 74 кг (48 % нормы). Наибольший прорыв должен был произойти в потреблении фруктов и ягод, где планировался скачок в десять раз с 10,6 кг (10 % нормы) до 106 кг к 1980 г. Однако были и такие продукты питания, потребление которых предполагалось не наращивать, а, наоборот, уменьшать — это хлебобулочные изделия и картофель. 172,8 кг хлеба на душу населения в 1958 г. превышали научно обоснованные физиологические нормы на 44 %, а 143 кг картофеля — на 38 %. Соответственно, предполагалось, что за счет увеличения потребления других продуктов питания доля данных продуктов в рационе будет сокращаться и вытесняться, достигнув 120 кг хлеба и 103 кг картофеля к 1980 г.

К 1980 г. потребление товаров массового спроса по всем наименованиям должно было достичь 100 % к научно обоснованным нормам. Иными словами, в качестве базового показателя планировалось не производство, а потребление. На протяжении 22 ближайших лет советский человек должен был потреблять все больше и больше и в итоге остановиться на определенном уровне. Логично предположить, что советская экономика должна была обеспечить это потребление в полном объеме, но остается открытым вопросом, являются ли научно обоснованные нормы предельными показателями и смог бы человек при коммунизме потребить больше установленных норм.

Из непродовольственных товаров особое внимание уделялось товарам длительного пользования. Как видно из табл. 1, потребление холодильников, стиральных машин и автомобилей должно было вырасти в 30–40 раз. Интересно, что при закладываемом в расчеты коэффициенте семейственности, равном 3,2 человека на семью, получалось, что к 1980 г. телевизоры, радиоприемники, холодильники и швейные машины планировались в каждой семье, а, например, стиральные машины не в каждой. Наличие одного холодильника,

Таблица 1

**Планируемое Госэкономсоветом СССР увеличение потребления товаров
длительного пользования в РСФСР в период между 1958 и 1980 гг.
(шт. на 1 тыс. населения)**

Наличие предметов длительного пользования	1958 г. Отчет	1960 г. План	1965 г. План	1970 г. План	1975 г. План	1980 г. План
холодильники	6,1	9,6	28,3	83,5	186,6	280,7
радиоприемники	103	137,7	187,7	228	266	287,5
телевизоры	19,5	31,9	73,6	136,5	211,9	287,6
автомобили	–	1,8	3	8,5	29,5	74,4
мотоциклы	7,3	10,8	17,2	20,8	24,4	33,3
велосипеды	96,1	115,4	140,4	135,5	110,3	100
стиральные машины	6,3	14,3	53,7	111,4	163	197,7
швейные машины	77,5	103	–	251,6	289	289

Источник: РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 71. Л. 5–9.

который нужен для хранения продуктов, на одну семью показывает, что планировалось сохранить и индивидуальную готовку, и потребление пищи в рамках семьи. Телевизоры и радиоприемники должны были обеспечить индивидуальный семейный досуг. Такой индивидуализм тоже в значительной степени противоречил коллективистским принципам, характерным для коммунистической идеологии предшествующей эпохи.

Автомобили получали распространение к 1980 г. из расчета 1 штука на 13 чел., мотоциклы — 1 к 30, велосипеды — 1 к 10. Причем динамика распространения велосипедов выглядит наиболее сложной. До 1965 г. их потребление должно было расти, а потом, по мере распространения других видов транспорта, оно начинало снижаться довольно быстрыми темпами.

Как ни странно, некоторые из приводимых в Программе КПСС цифр были даже более осторожными чем те, которые давались в расчетах Госэкономсовета. Например, это касается такого показателя, как реальные доходы на душу населения. В Программе утверждалось, что к 1980 г. они должны были вырасти в 3,5 раза²⁸, в то время как в предложениях Госэкономсовета доходы трудящихся должны были возрасти с 134,2 млрд. руб. в 1958 г. до 977,5 млрд руб. в 1980 г., т. е. в 6 раз²⁹. Видимо, столь амбициозный проект показался разработчикам программы чересчур фантастическим, и в итоговом документе он был сокращен почти в два раза.

Параллельно с созданием планов роста благосостояния по РСФСР Госэкономсовет дал поручение Госплану УССР разработать рациональный бюджет советской семьи, опирающийся на те же нормы потребления, которые закладывались в предыдущий документ. В основу исчисления рационального бюджета

были положены научно обоснованные физиологические нормы на продукты питания и рационально-гигиенические нормы на основные непродовольственные товары. Целями разработки норм были обеспечение рационального питания, обоснование пищевого баланса и определение необходимости развития соответствующих отраслей народного хозяйства. При определении необходимого количества продуктов потребления учитывалось физиологически обоснованное соотношение основных пищевых веществ в суточном рационе человека. Кроме этого, учитывалось фактическое питание и состояние здоровья советских граждан по данным бюджетных и медицинских обследований³⁰.

Оценки Госплана УССР показывали, что к 1980 г. физиологические нормы питания в среднем на душу населения в день должны были достичь следующих значений: белки — 104,8 г, в том числе животные белки — 66,2 г; жиры — 94,8 г, в том числе растительные жиры — 30,5 г; углеводы — 416 г. Наиболее целесообразным соотношением между белками, жирами и углеводами считалось 1 : 1 : 4. Общая калорийность суточного рациона по установленным нормам составляла 3019 кал³¹. Исходя из этого нормирования рассчитывалось суточное, месячное и годовое рациональное потребление, результаты которого и подвергались собственно экономическим оценкам (табл. 2).

Таблица 2

Стоимость душевого годового набора продуктов питания по нормам на 1980 г.
(разработана Госпланом УССР в 1960 г.)

Показатель	Годовое потребление (ед.)	Цена (руб. за ед.)	Стоимость в год (руб.)
хлебопродукты	109 кг	0,33	35,8
молокопродукты	477 кг	0,18	85,8
яйцепродукты	365 шт.	0,08	27,38
мясопродукты	85 кг	1,41	120
рыбопродукты	14,2 кг	0,89	12,6
картофель	82 кг	0,09	7,46
овощи	161 кг	0,15	24,15
бахчевые	30 кг	0,1	3
фрукты и ягоды	134 кг	0,54	72,36
сахар	36,5 кг	0,95	34,49
масло растительное и маргарин	10,6 кг	1,56	16,57

Источник: РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 132. Л. 14–15.

Было предусмотрено и потребление некоторых прочих продовольственных товаров, включающих, например, 30 л пива, 1,5 л водки и 26,2 л вина в год на душу населения. Эти прочие продукты давали дополнительные 104,54 руб. расходов в год. Суммарно годовая стоимость набора продуктов на одного члена семьи к 1980 г. должна была составлять 544 руб. 80 коп. (в ценах 1961 г.), что с учетом повышающего коэффициента на качество продуктов (4 руб. 60 коп.) давало 50 руб. расходов на питание на 1 чел. в месяц.

Если оценивать только планы по потреблению продуктов питания, то из табл. 2 можно рассчитать некий усредненный душевой дневной рацион, который включал: 300 г хлеба и/или круп, 1,3 л молока и молокопродуктов, 1 яйцо, 270 г мяса или рыбы, 220 г картофеля и 440 г других овощей, 450 г фруктов, ягод и бахчевых, 100 г сахара и 30 г растительных жиров, а также бокал вина или пива. Суммарно получается, что по плану советский человек при коммунизме в сутки должен был потреблять в среднем 3,12 кг разнообразного продовольствия, которое при этом должно было укладываться в нормированные 3019 кал.

Госпланом УССР рассчитывались также рациональные нормы годового потребления непродовольственных товаров на 1980 г. Ткани: хлопчатобумажные — 37 м² (видимо, эта цифра включала не только одежду, но и постельное белье, банные принадлежности, скатерти, занавески и т. п.), шерстяные — 5,2 м², шелковые — 10,5 м², льняные — 5 м²; трикотажные изделия всего — 8,65 шт., из них бельевой трикотаж — 6,95 шт., верхний трикотаж — 1,7 шт., чулки и носки — 9 пар в год; обувь: кожаная — 3,65 пары, валенки — 0,2 пары, резиновая — 0,95 пары. В обосновании норм потребления обуви присутствовал трогательный пассаж, заслуживающий полной цитаты: «Приобретая 3,65 пар кожаной обуви ежегодно, советская семья создаст себе такой гардероб обуви, который будет превосходить гардероб равной семьи в любой капиталистической стране»³². Действительно, ежегодные, на протяжении ряда лет, покупки такого количества обуви на каждого члена семьи (при условии, конечно, качества изделий) могли не только привести к изобилию, но и вызвать серьезные трудности с ее хранением в малометражных советских квартирах.

Произведенные Госпланом оценки рационального потребления товаров и услуг на 1980 г., с учетом их стоимости в 1961 г., позволили приблизительно рассчитать и рациональный душевой бюджет, включающий все возможные, по мнению плановых органов, направления расходов (табл. 3).

Из табл. 3 видно, что расходная часть рационального бюджета версталась из расчета доходов на уровне не менее 165 руб. в месяц в ценах января 1961 г. (т. е. уже в деноминированных готовившейся в это время денежной реформой ценах). Соответственно возникает справедливый вопрос, о возможностях рационального потребления для тех категорий граждан, которые имели доход ниже этого уровня. Цитируемые документы Госплана не дают никакого объяснения, должна ли была действовать к 1980 г. какая-то уравнительная система оплаты труда или же 165 руб. к этому времени должны были равняться минимальной заработной плате. Более того, само сохранение зарплат, цен и денег в «светлом будущем» являлось довольно серьезным отступлением от коммунистической догматики. Авторы данного документа оправдывало то, что их

Таблица 3

**Рациональный бюджет на 1980 г. в среднем на душу населения в месяц
(в рублях, в масштабе цен на 1 января 1961 г.)**

Показатель	руб. в месяц	% от бюджета
<i>Товарные расходы всего:</i> в том числе:	116,7	70,70
продукты питания	50	30,30
одежда, белье и обувь	24,3	14,70
галантерея и парфюмерия	5	3
мебель и мягкий инвентарь	3,6	2,20
товары культурно-бытового назначения, домашнего обихода и спортивного назначения	15	9,10
табак	0,7	0,40
вино, водка и другие напитки	5,6	3,40
прочие товары, включая резерв на товары	12,5	7,60
<i>Нетоварные расходы всего:</i> в том числе:	46,7	28,30
жилищно-коммунальное хозяйство	12,5	7,60
транспорт и связь	8,1	4,90
отдых, лечение, гигиена	10	6
театр, кино, прочее	2,5	1,50
членские взносы в общественные организации	1,6	1
прочие расходы	12	7,30
<i>Всего расходы</i>	163,4	99
Прирост сбережений	1,6	1
<i>Весь бюджет</i>	165	100

Источник: РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 132. Л. 12.

разработки были сделаны на несколько месяцев раньше, чем идея построения коммунизма к 1980 г. оказалась провозглашена с высокой трибуны.

В структуре расходов, предлагаемой рациональным бюджетом, на питание в месяц отводилось только 30 % средств, что составляло 50 руб. Получается, что в сутки на питание должно было тратиться в среднем 1,6 руб., или около 1 % месячного дохода. На вредные привычки (потребление табака и алкоголя) в бюджете отводилось около 4 % в месяц, или 21 коп. в день, что

было немногим меньше суммарных расходов на отдых, здоровье и гигиену и более чем двукратно перекрывало расходы на посещение театров, концертов и кинотеатров.

Подводя итог, выделим ряд важных особенностей экономических представлений о коммунистическом будущем. Парадоксом «Предложений о перспективах развития народного хозяйства и культуры РСФСР на период по 1980 г.» является противостояние личного и общественного. Так, очень высокие планируемые темпы роста сетей прачечных и химчисток, а также сети общественного питания сопровождались пусть и менее впечатляющим, но все же существенным ростом семейного потребления холодильников и стиральных машин. Если предполагалось, что большинство семей будут иметь дома стиральную машину, то зачем тогда нужно открывать столько прачечных? И наоборот: если в стране должно работать столько прачечных, зачем нужны индивидуальные стиральные машины? Такая путаница в значительной степени связана с отсутствием четкого и определенного образа коммунистического будущего. У власти не сложилось консенсуса о том, каким именно оно должно быть. Поэтому, видимо, на всякий случай ответственные учреждения пытались заложить в планы разные принципы и механизмы его достижения.

Важно, что в планах советский человек оказывался не субъектом, а объектом. За него решалось, в каких жилищных условиях он должен жить, сколько есть фруктов и картофеля, сколько одежды и обуви у него должно быть в гардеробе. Естественно, все это обосновывалось научными данными и экспертными заключениями. Человек оказывался не принадлежащим себе и при этом максимально рационализированным. Кроме того, приведенные выше факты показывают, что даже в рамках советского средне- и долгосрочного планирования такие элементы экономической сферы, как производство, распределение и потребление, сливались в единую систему, для которой совершенно необходимо было потреблять ровно столько, сколько произведут, и производить ровно столько, сколько будут потреблять. Подобный подход исключал любые возможности незапланированного, хаотического изменения траектории развития.

Во многих случаях планируемый количественный рост не должен был привести к каким-либо качественным изменениям, что в некоторой степени нарушало один из законов столь популярной в то время диалектики. Нормированная рабочая неделя и фиксированный отпуск, наличие розничной торговли и товарно-денежных отношений — все это говорило о количественном развитии уже имевшихся форм советской социально-экономической системы, но не предполагало появления принципиально новых или существенную трансформацию старых ее элементов. Так, «развернутое строительство коммунизма» означало постепенное стирание границу между умственным и физическим трудом, тогда как разрабатываемые планы в отношении системы образования консервировали ее как институционально, так и численно. Следовательно, должно было сохраниться и разделение на более и менее образованных людей. Парадоксально, но в такой перспективе коммунистическое будущее не соответствовало множеству идеологических установок коммунистов. В целом такой подход

подтверждает мысль, что для советского руководства рубежа 1950–1960-х гг. была актуальна формула: коммунизм — это советская власть плюс американский уровень жизни.

¹ См. об этом: *Фокин А. А.* Коммунизм не за горами. Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М., 2017.

² *Таубман У.* Хрущев. М., 2008. С. 336.

³ *Каганович Л. М.* Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 1996. С. 513.

⁴ *Аксютин Ю. В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004. С. 448.

⁵ *Берелович А.* Семидесятые годы XX века: реплика в дискуссии // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 4 (66). С. 64.

⁶ *Иванова Г. М.* На пороге «государства всеобщего благосостояния». Социальная политика в СССР (середина 1950-х — начало 1970-х годов). М., 2011. С. 274.

⁷ *Reid S.* Cold War in the Kitchen: Gender and de-Stalinisation of Consumer Taste in the Soviet Union under Khrushchev // *Slavic Review*. 2002. Vol. 61, no. 2. P. 211–252.

⁸ *Лебина Н. Б.* Повседневность эпохи космоса и кукурузы. Деструкция большого стиля. Ленинград, 1950–1960-е годы. СПб., 2015.

⁹ *Иванова А.* Магазины «Березка»: парадоксы потребления в позднем СССР. М., 2017.

¹⁰ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 7. Государственный научно-экономический совет (Госэкономсовет) Совета министров СССР 1959–1962 гг.

¹¹ *Некрасов В. Л.* Советский экономический реформизм эпохи Н. С. Хрущева: авторитарный реформатор, партийно-государственная система и академическое сообщество // Новый исторический вестник. 2017. № 54. С. 71–91.

¹² *Бурлацкий Ф. М.* Глоток свободы: в 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 98.

¹³ *Хрущев С. Н.* Никита Хрущев: Реформатор. М., 2010. С. 753.

¹⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 586. Оп. 1. Д. 201. Л. 34.

¹⁵ *Хрущев Н. С.* О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы // Внеочередной XXI Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января — 5 февраля 1959 года: стенографический отчет: в 2 т. М., 1959. Т. 1. С. 49.

¹⁶ См. об этом: *Гак Г.* Коммунизм и личная собственность // *Коммунист*. 1961. № 1. С. 70, 72.

¹⁷ *Ленин В. И.* Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // *Ленин В. И.* Полное собр. соч. Т. 33. С. 96.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 71.

¹⁹ Там же. Д. 132.

²⁰ Программа Коммунистической партии Советского Союза // XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года: стенографический отчет: в 3 т. М., 1962. Т. 3. С. 295–296.

²¹ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 201. Л. 14.

²² Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 1. Оп. 4. Д. 13. Л. 13.

²³ Коммунизм входит в нашу жизнь / под ред. С. Н. Новикова. М., 1961. С. 4–5.

²⁴ РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 71. Л. 1–16.

²⁵ Там же

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Программа Коммунистической партии Советского Союза... С. 297.

²⁹ РГАЭ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 71. Л. 12–14.

³⁰ Там же. Д. 132. Л. 2.

³¹ Там же. Л. 4–5.³² Там же. Л. 5–6.

Статья поступила в редакцию 2 мая 2018 г.
Рекомендована в печать 18 февраля 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Баканов С. А., Фокин А. А. «А при коммунизме все будет...»: государственное планирование уровня жизни советского человека к 1980 г. // *Новейшая история России*. 2019. Т. 9, № 2. С. 420–436. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.208>
УДК 94(47).084.9

Аннотация: Рубеж 1950–1960-х гг. ознаменовался масштабным проектом по началу строительства в СССР коммунизма. Значительную роль в этом процессе играл Государственный научно-экономический совет (Госэкономсовет) Совета министров СССР, поскольку на него возлагалась задача разработки «Генеральной перспективы развития народного хозяйства на период по 1980 г.», которая содержала бы научно обоснованные долгосрочные ориентиры развития каждой отрасли народного хозяйства и каждой союзной республики. Этот документ должен был установить конкретные показатели, соответствующие принципам, закладываемым в Третью Программу КПСС. Большой интерес для исследователей «Генеральной перспективы...» представляет раздел «Рост благосостояния населения РСФСР», который содержит данные более чем по 90 показателям, начиная с 1958 г. (фактические данные), и далее с 1960 г. с пятилетним шагом вплоть до 1980 г. (план), а также раздел «Рациональный бюджет семьи (в показателях на душу населения)», рассчитанный для Украинской ССР. В проанализированных в статье планах советский человек оказывался не субъектом, а объектом. За него решалось, в каких жилищных условиях он должен жить, сколько есть фруктов и картофеля, сколько одежды и обуви у него должно быть в гардеробе. Планировавшийся к 1980 г. коммунизм существенно отличался от концепции коммунизма в работах классиков марксизма-ленинизма. Так, в нем предполагалось сохранение товарно-денежных отношений и государственного контроля за трудовыми ресурсами. Один из выводов статьи состоит в том, что для советского руководства рубежа 1950–1960-х гг. была актуальна формула: коммунизм — это советская власть плюс американский уровень жизни.

Ключевые слова: система планирования, коммунизм, Третья Программа Коммунистической партии Советского Союза, советская плановая экономика, потребление, уровень жизни, благосостояние советских людей.

Сведения об авторах: *Баканов С. А.* — д-р ист. наук, доц., Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия); bakanov-s@mail.ru | *Фокин А. А.* — канд. ист. наук, доц., Челябинский государственный университет; Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Россия); aafokin@yandex.ru

Челябинский государственный университет, Россия, 454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Южно-Уральский государственный университет, Россия, 454080, Челябинск, пр. Ленина, 76

FOR CITATION

Bakanov S. A., Fokin A. A. “‘And Under Communism Everything Will Be...’: How the Planning Agencies of the USSR Saw the Nation’s Wealth by 1980”, *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 2, 2019, pp. 420–436. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.208>

Abstract: 1950s and 1960s saw the start of constructing a communist society in the USSR. The State Council on Research and Economics of the Council of Ministers played a key role in that process. Its task was to develop a plan for economic development up to 1980. The plan would lay out the development of every sector of the

national economy. The document had to contain a quantitative analysis and support for the III Program of the Communist Party of the Soviet Union. The section on the nation's economic well-being is of significant interest, as it contains data on more than 90 indicators starting from 1958 (factual data) and prospective results every five years, from 1960 until 1980. The data show that the Soviet person was regarded not as a subject but an object. He did not choose living conditions, the amount of fruit and vegetables to eat, the number of shoes and clothes to own, etc. The biology of the human being had to be rationalized to make the body totally controllable. Data show that short-term and long-term economic development plans presupposed strict equality between production and consumption. Such an approach excluded any possibility of the unplanned and chaotic trajectory of development. The paper confirms the claim that Soviet authorities of the 1950s and 1960s believed in the ideal that communism was Soviet power and American standards of living would meet.

Keywords: USSR, communism, III Program of the CPSU, planned economy, consumption, living standards, 1960s.

Authors: *Bakanov S.A.* — Dr. Sci of History, Associate Professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia); bakanov-s@mail.ru | *Fokin A.A.* — PhD, Associate Professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia); South Ural State University (Chelyabinsk, Russia); aafokin@yandex.ru

Chelyabinsk State University, 129, ul. Bratiev Kashirinykh, Chelyabinsk, 454001, Russia

South Ural State University, 76, pr. Lenina, Chelyabinsk, 454080, Russia

References:

- Aksiutin Yu. V. *Khrushchevskaia "ottepel" i obshchestvennye nastroyeniia v SSSR v. 1953–1964 gg.* (Moscow, 2004).
- Berelovich A. 'Semidesiatye gody XX veka: replika v diskussii', *Monitoring obshchestvennogo mneniia*, no. 4 (66), 2003.
- Burlatskiy F. M. *Glotok svobody*, In 2 vols, vol. 1 (Moscow, 1997).
- Fokin A. A. *Kommunizm ne za gorami. Obrazy budushchego u vlasti i naseleniia SSSR na rubezhe 1950–1960-kh godov* (Moscow, 2017).
- Ivanova A. *Magaziny "Bereзка": paradoksy potrebleniia v pozdnem SSSR* (Moscow, 2017).
- Ivanova G. M. *Na poroge "gosudarstva vseobshchego blagosostoianiia". Sotsial'naia politika v SSSR (seredina 1950-kh — nachalo 1970-kh godov)* (Moscow, 2011).
- Kaganovich L. M. *Pamiatnye zapiski rabocheho, kommunista-bol'shevika, profsoiuznogo, partiinogo i sovet-sko-gosudarstvennogo rabotnika* (Moscow, 1996).
- Khrushchev S. N. *Nikita Khrushchev: Reformator* (Moscow, 2010).
- Lebina N. B. *Povsednevnost' epokhi kosmosa i kukuruzy. Destruktsiia bol'shogo stilia. Leningrad, 1950–1960-e gody* (St. Petersburg, 2015).
- Nekrasov V. L. 'Sovetskii ekonomicheskii reformizm epokhi N. S. Khrushchova: avtoritarnyi reformator, partiino-gosudarstvennaia sistema i akademicheskoe soobshchestvo', *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 54, 2017.
- Reid S. 'Cold War in the Kitchen: Gender and de-Stalinisation of Consumer Taste in the Soviet Union under Khrushchev', *Slavic Review*, vol. 61, no. 2, 2002.
- Taubman W. *Khrushchev* (Moscow, 2008).

Received: May 2, 2018

Accepted: February 18, 2019